

Александр I и создание Священного союза

«Священный союз... пользуется... крайне дурною славою и в господствующем историческом предании, и в современном общественном мнении. Ни об одном событии новейшей истории не распространена такая масса неверных и превратных представлений»¹. Эти слова были написаны профессором В.К. Надлером более 120 лет назад и, можно сказать, не потеряли своей актуальности до наших дней. Подписание европейскими монархами по инициативе Александра I этого необычного религиозно-политического акта вызвало у современников самые различные толкования, которые вскоре плавно перекечевали в западноевропейскую историографию. При этом мало кто придавал «Трактату Братского Христианского Союза» тот же смысл, что и его создатель. Преобладали два представления: 1) акт о Священном союзе является порождением фантастической мечты русского императора и не имеет ни малейшего политического и практического значения²; 2) он представляет собой ловко придуманное орудие для распространения в Европе реакции и усиления влияния России³.

Пяти томный труд В.К. Надлера⁴, который до сих пор остается единственным произведением отечественной историографии, специально посвященном рассматриваемой проблеме, был призван показать, что создание Священного союза было единственной в истории «сознательной и искренней», но опередившей свое время и потому не понятой современниками «попыткой организовать международные и политические отношения на учении Евангелия»⁵. Советские историки, так же как и их западные коллеги, неоднократно подчеркивали реакционную сущность данного объединения. Так, например, авторы «Истории дипломатии» отмечали: «Священный союз не был в точном смысле слова оформленным соглашением держав, которое возлагало бы на них

определенные обязательства... Но в историю европейской дипломатии» он «вошел как организация с резко очерченной монархическо-клерикальной идеологией, созданная на основе идеи подавления революций и политического и религиозного свободомыслия, где бы они ни проявлялись»⁶. Лишь в постсоветское время в отечественной историографии появилась тенденция рассматривать создание Священного союза как попытку императора Александра I реализовать идею «объединенной Европы»⁷.

Идея «объединенной Европы» сама по себе была не нова. В XVIII – начале XIX в. в той или иной форме ее неоднократно высказывали в своих трудах европейские мыслители (У. Пенн, Ш. Сен-Пьер, Ж.-Ж. Руссо и др.). Александр I, получивший образование под руководством Ф. Лагарпа, несомненно, был знаком с разработанной ими концепцией обеспечения «вечного мира» путем объединения политических усилий основных европейских государств. Известны ему были также работы на подобную тему русского исследователя В.Ф. Малиновского. На заключительном этапе борьбы с Наполеоном Александр всерьез увлекся «европейской идеей» и, придав ей вполне определенные политические очертания, решил попытаться претворить ее в жизнь. Создание Священного союза он не случайно намеревался приурочить к завершению работы Венского конгресса. Новые принципы международных отношений, изложенные в акте Священного союза, должны были, по мнению русского императора, помочь монархам обеспечить европейским народам завоеванный ими мир. По сути, для послевоенной Европы Александром I была разработана программа мирного сосуществования, призванная способствовать сохранению европейского равновесия и укреплению правовых основ «Венской системы» международных отношений (поддержание сложившегося баланса сил и сохранение незыблемости форм правления). Добровольный союз заключался

европейскими монархами для обеспечения стабильности и коллективной безопасности, а также для совместного решения основных международных проблем. Одной из побудительных причин для подписания этого коллективного договора, несомненно, явилась боязнь повторения кровавых событий, подобных Французской революции и последовавших за ней наполеоновских войн. Однако цель Священного союза вовсе не ограничивалась подавлением нарождающихся революций. Более того, в акте о его заключении об этом не было сказано ни слова.

Проект акта о Священном союзе был написан Александром I и, после внесения в него австрийской стороной (канцлер К. Меттернихом по поручению императора Франца I) некоторых поправок, 14 (26) сентября 1815 г. был подписан в Париже монархами Австрии, Пруссии и России. Документ состоял из трех статей. В преамбуле Франц I, Фридрих-Вильгельм III и Александр I, признавая защиту Божественным Провидением своих государств во время наполеоновского нашествия и следуя «внутреннему убеждению», выражали «непоколебимую решимость» руководствоваться в своей внутренней и внешней политике «заповедями святой веры» – «любви, правды и мира»⁸. В ст. I три договаривающихся монарха объявлялись соединенными «узами действительного и неразрывного братства» и обещали «во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь»⁹. Такая неопределенная формулировка давала возможность самого широкого толкования акта, в том числе и как оказание помощи и поддержки в подавлении неповиновения собственных подданных монархов или в случае вмешательства последних во внутренние дела других государств. Интересно, что в первоначальной, александровской редакции речь шла не о «трех договаривающихся монархах», а о «подданных трех договаривающихся сторон»¹⁰. Поправка, внесенная Меттернихом, по справедливому замечанию О.В. Орлик, подчеркнула

легитимность монаршей власти и создала возможность для усиления в дальнейшем контрреволюционной направленности Союза¹¹. Ст. II призывала подданных союзных государств считать себя «как бы членами единого народа христианского». Австрия, Пруссия и Россия были названы «тремя единого семейства отраслями», а их государи – правителями, поставленными над ними «самодержцем народа христианского» Иисусом Христом. Ст. III приглашала «все державы, желающие... признать изложенные в акте... правила», вступить «в сей священный союз»¹². Таким образом, Австрия, Пруссия и Россия рассматривались Александром I как основа для создания в дальнейшем широкого мирного содружества христианских европейских государств.

В историографии неоднократно обращалось внимание на религиозно-мистическую фразеологию акта о Священном союзе. Некоторые исследователи даже объясняли это намеренной попыткой Александра I замаскировать истинные реакционные цели Союза¹³. Однако на самом деле язык и стиль документа вполне соответствовали духу времени. Победа над Наполеоном воспринималась многими современниками как результат действия Божественного Промысла, избравшего своим орудием Россию и ее императора. Более того, окончание наполеоновских войн рассматривалось как начало обновления всей Европы, в котором Россия призвана сыграть ведущую роль. Сам Александр I в это время был сильно подвержен религиозным настроениям, активно общался с мистиками, в частности, с баронессой В.Ю. Крюденер, имевшей на него значительное влияние. Французский историк Ж.-Б. Капефиг утверждает, что именно она, одной из первых прочитав проект акта, предложила Александру назвать создаваемый им союз священным¹⁴. Так или иначе, но Александр действительно придавал своей идее большое значение – в процессе работы над ней он называл предстоящее предприятие «великим».

Уже в день подписания акта о Священном союзе Александр I, Фридрих-Вильгельм III и Франц I направили принцу-регенту Великобритании Георгу, как своему «первому и самому близкому союзнику», персональное приглашение присоединиться к данному соглашению¹⁵. Георг ответил, что «формы британского государственного устройства» не позволяют ему формально вступить в Священный союз, но он разделяет его принципы¹⁶. На самом деле Англии нужна была «свобода рук» в Европе. Кроме того, она боялась усиления на международной арене влияния России, которая как инициатор создания Священного союза могла претендовать на роль его главы. В течение 1815–1817 гг. к Священному союзу присоединились почти все европейские государи, за исключением турецкого султана как нехристианина, английского короля и папы римского.

Существует мнение, что «массовое» присоединение к Священному союзу объяснялось не столько согласием с его принципами, сколько отсутствием у его новых членов четкого понимания смысла этого документа и отношением к нему либо как к простой религиозно-нравственной декларации, не имеющей практического значения, либо желанием угодить России, а также страхом перед ней и ее союзниками. Графиня Эдлинг, входившая в ближайшее окружение Александра I, отмечала в своих мемуарах: «Этот знаменитый акт подписан был, с немногими исключениями, всеми державами, но они подписывали его, не понимая его смысла и не давая себе труда уяснить его значение. Приобретение или уступка какой-нибудь деревни вызвали бы, наверное, бесконечные переговоры, а здесь дело шло только об идее. Никто не хлопотал о ней, как будто бы идеи никогда не производили переворота в мире... Проникнутый сознанием благодати, осенившей Россию, Александр не колебался заявить этим актом веры дух, в котором должны бы были управлять христианские государи христианскими

народами. Его идея, быть может слишком возвышенная для большинства государей, не была понята и превратила императора в глазах одних в фанатика и слабоумного, а в глазах других в ловкого и хитрого макиавеллиста. Я видела, как некоторые немецкие князья, пропитанные теориями XVIII века, подписывали этот христианский акт с негодованием, которое они вынуждены были вследствие своей слабости скрывать в присутствии императора»¹⁷. Известно, что Меттерних относился к акту Священного союза весьма скептически, называя его в своих мемуарах «пустым и трескучим документом». Тем не менее это не помешало австрийскому канцлеру принять активное участие в оживленных спорах и внесении поправок на стадии подготовки договора, а затем использовать принципы последнего на международных конгрессах для проведения интересов Австрии.

Безусловно, рассматриваемый договор имел существенное политическое и практическое значение. В пользу этого, в частности, свидетельствует его активное обсуждение на международной арене, в ходе которого рождались самые разные толкования, а также обвинения в адрес России. Так, например, Турция сразу высказала свои опасения, что союз будет направлен против нее, так как она в принципе была исключена из состава его возможных членов как нехристианская держава. Чтобы пресечь превратные слухи, 25 марта 1816 г. Александр I в циркулярной ноте был вынужден официально объяснить назначение Священного союза: «Единственная и исключительная цель союза» состоит «только в поддержании мира и в соглашении всех нравственных интересов народов, поставленных волею Божеского Провидения под сенью креста». Священный союз призван «содействовать внутреннему благосостоянию каждого государства и общему благу всех, долженствующему вытекать из дружбы между их государями, которая тем более ненарушима, чем более она не зависит от случайностей». «Если

искать в этом акте только то, что он содержит ... то приписываемые союзу завоевательные помыслы окажутся просто химерами. Союз никому не угрожает и никто не вынужден приступить к нему. На нем только должны покоиться незыблемые основы европейского мира и общего благополучия»¹⁸. Тремя месяцами ранее, 25 декабря 1815 г., Александр объяснил также смысл Священного союза своему народу. В Высочайшем манифесте, которым предписывалось прочитать акт о его заключении во всех церквах Российской империи, в частности, говорилось, что монархи России, Австрии и Пруссии обязались данным союзом ради достижения «покоя и благоденствия народов» руководствоваться «как между собою, так и в отношении» к своим подданным учением Иисуса Христа, «благовествующего людям жить... не во вражде и злобе, но в мире и любви»¹⁹. 27 октября 1817 г. Александр утвердил предложение обер-прокурора Святейшего Синода о чтении манифеста и акта о Священном союзе во всех городских и сельских церквах ежегодно 14 сентября²⁰.

8 (20) ноября 1815 г. Россия, Австрия, Великобритания и Пруссия заключили договор, оформленный в виде идентичных по содержанию двусторонних соглашений и ставший, по сути, возобновлением Четверного союза. Напомним, что последний был создан 17 февраля (1 марта) 1814 г., когда союзники подписали Шомонский оборонительный трактат, направленный на свержение Наполеона Бонапарта. С отречением Наполеона от власти союзный договор утратил силу, однако 13 (25) марта 1815 г., после неожиданного победоносного возвращения Бонапарта с о-ва Эльба в Париж, он был возобновлен. Заключение ноябрьского трактата о союзе состоялось в день подписания Второго Парижского мирного договора, когда четыре монарха были поставлены перед проблемой осуществления военной оккупации французского государства. Основное содержание договора касалось положения Франции и должно

было гарантировать выполнение ею постановлений Второго Парижского мира. Последняя, шестая, статья носила более общий характер; в ней речь шла о проведении периодических совещаний с участием монархов (или уполномоченных к тому министров) «для рассуждения о пользах общих и для рассмотрения мер», направленных на сохранение мира в Европе²¹. Проводимые в дальнейшем международные конгрессы руководствовались принципами Священного союза, поэтому были восприняты современниками и исследователями как его конгрессы. Отечественная историография прочно связала акт о Священном союзе и договор от 8 (20) ноября 1815 г., решив, что содержание последнего восполнило «неопределенность формул» первого, однако, на наш взгляд, прямой связи между этими двумя документами, так же как и между двумя союзами – Священным и Четверным, не существует.

Вскоре в рамках Четверного союза началось активное сближение Англии и Австрии с целью ограничения на международной арене влияния России. Поэтому в период подготовки Ахенского конгресса русская дипломатия составила проект создания «всеобщего союза» европейских государств на основе акта о Священном союзе. «Всеобщий союз» позволил бы защитить малые страны от корыстной политики сильных держав, пресечь развитие революционных настроений и дать Европе реальные гарантии сохранения мира и спокойствия²². Англия, Австрия и Пруссия, напротив, выступали за сохранение Четверного союза в его неизменном виде. Предстоящую встречу в Ахене они рассматривали как конгресс членов Четверного союза, выступая против участия в нем других европейских стран. Францию, проблемы которой должны были стать главным предметом обсуждения, они предлагали пригласить на совещание в качестве неравноправного участника. Александр I согласился ограничить состав участников конгресса лишь при условии, что на нем будет официально рассматриваться только французский

вопрос. Все остальные европейские проблемы, по мнению русского императора, следовало обсуждать при непосредственном участии всех заинтересованных держав.

На Ахенском конгрессе (сентябрь – ноябрь 1818 г.) был решен вопрос о выводе из Франции к 18 (30) ноября 1818 г. всех оккупационных войск и о порядке выплаты французским правительством контрибуции в размере 265 млн франков²³. Довольно острые споры разгорелись по поводу дальнейшего статуса Франции на международной арене. Россия решительно отвергла англо-австрийское предложение о возобновлении Четверного союза в его первоначальном виде; русский контрпроект о создании «всеобщего союза монархов» также не прошел. В итоге решение конгресса стало компромиссным: Франция была принята в Четверной союз в качестве равноправного члена, но при этом союзники подписали особый секретный протокол, возобновлявший их обязательства в соответствии с Шомонским трактатом в случае революционных или военных выступлений во Франции²⁴.

Несмотря на провал своего главного предложения, Александр не сразу отказался от надежды реализовать его в дальнейшем: новый, Пятерной союз первоначально рассматривался им как возможная основа для «всеобщего союза» европейских государств.

Следующие три международных конгресса в отечественной историографии называют конгрессами Священного союза, поскольку главным предметом обсуждения на них стала организация противодействия революционным движениям. В начале 1820-х годов по Европе прокатилась волна буржуазных революций. В январе 1820 г. началась революция в Испании, в июле того же года – в Неаполе, в августе – в Португалии. Возможность распространения революционных выступлений на другие европейские страны могла отразиться на прочности всей «венской системы» международных отношений. По

мнению российского МИДа, в создавшихся условиях Священный союз должен был продемонстрировать миру свое значение в защите легитимных устоев. Австрийская дипломатия, заинтересованная в дальнейшем упрочении положения Австрии на Апеннинском п-ве, пыталась получить согласие Александра I на подавление неаполитанской революции австрийскими войсками без обсуждения этого вопроса с партнерами по Священному союзу, однако русский император настоял на созыве конгресса.

Необходимо отметить, что вначале Александр выступал за дипломатическое урегулирование проблемы (за «совместные моральные действия») путем признания в охваченных революцией государствах умеренных конституционных преобразований. Однако на конгрессе пяти ведущих держав (Австрии, Англии, России, Пруссии и Франции), открывшемся в октябре 1820 г. в г. Троппау, Александр постепенно склонился к позиции Меттерниха.

7 (19) ноября 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали Предварительный протокол, в котором провозглашалось право вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств (без согласия или просьбы их правительств) с целью подавления там революционных движений²⁵. Представители Англии и Австрии, получившие от своих правительств ограниченные полномочия, не подписали вышеупомянутый документ, но признали право союзников на вмешательство в неаполитанские дела. Что касается революции в Испании, то из-за столкновения в этом регионе интересов ряда союзных государств этот вопрос на конгрессе в Троппау был снят с повестки дня.

В январе 1821 г. для окончательного решения неаполитанского вопроса заседания конгресса были перенесены в г. Лайбах, расположенный вблизи границы итальянских государств. Еще оставалась надежда урегулировать проблему мирным путем, однако прибывший в

Лайбах по приглашению участников конгресса король Обеих Сицилий Фердинанд I сразу же выступил за вооруженное подавление революции. В итоге конгресс санкционировал ввод австрийских войск в Неаполитанское королевство. В марте 1821 г. революция в Неаполе была подавлена, через месяц его судьбу разделил восставший Пьемонт.

Дальнейшее развитие испанской революции вскоре заставило союзников вплотную приступить к решению этого вопроса. В октябре – ноябре 1822 г. в итальянском г. Верона состоялся очередной международный конгресс, на котором четыре державы (Россия, Австрия, Пруссия и Франция) приняли решение об организации французской интервенции в Испанию для восстановления там всей полноты королевской власти²⁶. Англия, опасавшаяся усиления позиции Франции на Пиренейском п-ве, заняла позицию невмешательства. В апреле 1823 г. французская армия вступила в пределы Испании, и через полгода революция была подавлена.

Это стало последним согласованным решением Священного союза. В дальнейшем собственные государственные интересы союзников усилили существовавшие между ними противоречия и подорвали монолитность Союза. Первой трещиной в его здании, если не считать разногласий по поводу признания независимости испанских колоний в Южной Америке как имеющих лишь косвенное значение для Европы, стал вопрос об отношении к греческому национально-освободительному восстанию 1821–1829 гг. Восстание началось в Дунайских княжествах, а затем перебросилось на Пелопоннес. Глава восставших, генерал-майор российской армии, грек по национальности, А.К. Ипсиланти обратился к Александру I с просьбой о помощи, но получил отказ и был исключен из числа российских генералов. Принципы 1815 г. не позволили императору открыто поддержать бунтовщиков. Однако интересы России на Балканах, положительное отношение к греческому восстанию российского

общества, а также враждебная, несмотря на официальное заявление России о невмешательстве в греческие дела, политика султана, который объявил «священную войну» всем неверным и наложил запрет на вход в Черное море русских торговых кораблей, вскоре заставили Александра I нарушить нейтралитет.

6 (18) июля 1821 г. российский посланник в Константинополе Г.А. Строганов от имени своего правительства передал султану ноту, в которой содержались требования прекратить зверское истребление православных, вывести войска из Дунайских княжеств и восстановить прежние русско-турецкие договоры²⁷. После отклонения ноты Россия прервала дипломатические отношения с Турцией. В течение нескольких лет российская дипломатия пыталась склонить своих партнеров по Священному союзу к коллективному вмешательству в греко-турецкую борьбу или получить для русских войск от имени Союза санкцию на восстановление порядка на Балканах. Однако «политика проволочек», последовательно проводимая западноевропейскими державами, привела к тому, что Александр I начал склоняться к самостоятельному решению восточного вопроса.

По образному выражению В.В. Дегоева, «судьба избавила» Александра от риска утратить столь лестную для него репутацию «миротворца и отца-основателя европейского концерта». «Он так и не отдал приказа об открытии военных действий против Турции», оставив «в наследство своему преемнику неразрешенный восточный кризис и свободу выбора путей решения»²⁸. Николай I сделал ставку на самостоятельную внешнюю политику, вытекавшую из геополитических интересов России. Этому курсу он остался верен до конца своего царствования, и «любимое дело» Александра I – Священный союз – стало постепенно сходить на нет.

Как отмечалось выше, в отечественной и зарубежной

историографии Александра I часто называют идеалистом, а его идею Священного союза утопичной. Несомненно, в начале XIX в. политическая концепция объединенной Европы опережала свое время, поскольку не подкреплялась, да и не могла тогда подкрепляться, экономической заинтересованностью государств в таком объединении. И тем не менее эту первую в истории попытку реализации «европейской идеи» в целом нельзя назвать неудачной. Благодаря разработанной Александром I программе мирного сосуществования и совместного решения основных международных проблем европейским государствам удалось не только справиться с революционной волной первой половины 1820-х годов, но затем еще в течение 40 лет избегать крупных войн. Наконец, миротворческий и интеграционный проект Александра I создал предпосылки для современного претворения «европейской идеи» в жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. I. С. 3.
- ² См. напр.: *Bernhardi T.* Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831. Leipzig, 1863–1877. Т. I–III.
- ³ См.: *Gervinus G.G.* Geschichte des XIX Jahrhunderts seit den wiener verträgen. Leipzig, 1855–1866. Т. I–VIII.
- ⁴ *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. В 5 т. Рига, 1886–1892.
- ⁵ *Надлер В.К.* Указ. соч. Т. I. С. 3.
- ⁶ История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 526. См. также: *Зак Л.А.* Монархи против народов. М., 1966; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878): Пер. с фр. Т. 1: Священный союз. М., 1947.
- ⁷ См.: *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. М., 1987; *Орлик О.В.* Россия в международных отношениях, 1815–1829: От Венского конгресса до Адрианопольского мира. М., 1998.
- ⁸ Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Рос. министерства иностранных дел (далее – ВПР). Сер. 1: 1801–1815 гг. М., 1972. Т. VIII. Док. 231. С. 518.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Док. 225. С. 504.
- ¹¹ Орлик О.В. Указ. соч. С. 19.
- ¹² ВПР. Т. VIII. Док. 231. С. 518.
- ¹³ См. напр.: *Лозинский С.Г.* Священный союз // Отечественная война и русское общество, 1812–1912: Юбил. изд./ Под ред. А.К. Дживелегова и др. М., 1912. Т. 7. С. 25.
- ¹⁴ См.: *Sarpefigue J.-B.* La baronne de Krudener, l'empereur Alexandre I au Congrès de Vienne et les traités de 1815. P., 1866.
- ¹⁵ ВПР. Т. VIII. Док. 232. С. 519.
- ¹⁶ Там же. Прим. 277. С. 697.
- ¹⁷ Цит. по: *Надлер В.К.* Указ. соч. Т. V. Рига, 1892. С. 637.
- ¹⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1878. Т. 4, ч. I. С. 4.

¹⁹ ПСЗ-І. Т. 33. № 26045.

²⁰ Там же. Т. 34. № 27114.

²¹ ВПР. Т. VIII. Док. 273. С. 614.

²² См.: Доклад министерства иностранных дел Александру I от 24 июня (6 июля) 1818 г. «О встрече в Ахене» // ВПР. Сер. 2: 1815–1830 гг. М., 1976. Док. 127. Т. II (X). С. 409–433.

²³ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. СПб., 1885. Т. 7. С. 302–306.

²⁴ Там же. С. 311–318.

²⁵ ВПР. М., 1979. Док. 186. Т. III (XI). С. 589–593.

²⁶ См.: М., 1980. ВПР. Т. IV (XII). Док. 206. С. 590–591; История внешней политики России, Первая половина XIX в. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 172–174.

²⁷ ВПР. Т. IV (XII). Док. 78. С. 203–210.

²⁸ *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы, 1700–1918 гг. М., 2004. С. 198.